

немногих оно считалось тысячами. За десяток тысяч перевалили только совершенно исключительные города, главным образом те, которые развились в центры не только меж-областной, но и международной торговли. Вот некоторые цифры, относящиеся к *пятнадцатому столетию*, т.е. к эпохе когда средневековые города достигли высшей точки подъема. Население Кельна, крупнейшего из тогдашних городов Германии, определяется в 30—35 тыс., население Любека (к XIV веку около 10 тыс.)—20 тыс., Нюрнберга, Гамбурга, Страсбурга приблизительно столько же, Базеля, Цюриха и Роншока около 10 тыс., Франкфурта на Майне—несколько меньше, Гейдельберга, Майнца и Дрездена приблизительно по 5 тысяч. В Англии *конца* четырнадцатого столетия, т.е. в эпоху полного расцвета средневековых отношений, численность населения определяется следующими цифрами: Лондон 35.000, Юрк 11.000, Бристоль 9.000, Ковентри 7.000, Норвич и Линкольн 5—6.000. Из остальных городов ни в *одном* цифра населения не поднималась выше 5.000. В России начала XVI века вторым по величине городом был Псков (первый—Москва, с населением до 200.000), в котором вместе с предместьями насчитывалось до 50—60 тыс. жителей (цифра, вероятно, преувеличенная). Напротив в Торопце числилось до 400 дворов торгово-промышленного населения, в Сольвычегодске до 600; в Каргополе до 500, Кашире до 400, Серпухове—до 600 дворов торгово-промышленного населения.

Но на средневекового человека, сжившегося с узостью деревенских отношений, и такие города производили огромное впечатление. Определяя «на глаз» численность населения, средневековые хроникеры приходили к таким цифрам, как напр., 120.000 для Кельна XV века,—и эти данные, как ни противоречат они всем экономическим отношениям феодально-ремесленного мира, до недавнего времени просто перенимались историками.

3. Возникновение и расцвет ремесла.—Цехи

Исходным пунктом в развитии средневековой торговли, а вместе с тем и средневекового города, была «внешняя» для феодальных ячеек торговля: обмен между натурально-хозяйственными территориями. Совершенно естественно, что первоначальные «купцы» вышли из феодальной усадьбы, в которой сосредоточивается прибавочный продукт земледельческого и промышленного производства («рента продуктами»). И столь же естественно, что первоначальное население ярмарочных пунктов приводит в недоумение историков двойственностью или даже тройственностью своего экономического существования: «едва ли возможно решить, следует ли считать их «сельскими хозяевами, или крупными купцами, или же ремесленниками» (Бюхер). Правильнее было бы сказать, что они были *и* первым, *и* вторым, *и* третьим, если под «сельскими хозяе-

вами» разумеет сеньеров и министриалов, а под «сентьерами» — сеньеров, которые просто получали оброк с зависимого населения, местного или окрестного, и не выполняли никаких экономических функций.

Как первоначальные жители ярмарочных пунктов, эти выходцы из феодальной усадьбы делаютя собственниками участков земли в черте города, захватывают в свои руки все городское управление, по мере того как оно становится автономным, вообще, превращаются в господствующее сословие формирующегося города. Они дают начало той городской аристократии, тем патрицианским родам, которые впоследствии частью развиваются в торговую буржуазию, частью сменяются ею. С экономической ролью этого сословия мы познакомимся ближе в отделе, посвященном торговому капиталу.

Старейшие рынки, возникающие в ходе развития межобластного обмена, не получают ни пахатной земли, ни общинных угодий: вся их территория — в пределах городской стены. Обмен, а не производство, был первичной экономической функцией возникающего города и его населения. Однако и эти города, привлекая ремесленников, разрастаясь и поглотив соседние деревни с их территориями, с течением времени приближаются по своему экономическому строю к позднейшим городам средневековья.

Когда наряду с межтерриториальным, в главной своей части ярмарочным обменом постепенно развивается внутри-территориальный обмен, тогда состав городского населения изменяется. Сеньериальные элементы перестают быть необходимыми посредниками между деревенскими ремесленниками, с одной стороны, и потребителями — с другой. Деревенские ремесленники, переселившись в рыночный пункт, могут рассчитывать, что они найдут ремесленный заработок без всяких торговых посредников: население данной территории, в особенности деревенское, превращается в рынок для их продуктов, а городское население в свою очередь становится рынком для земледельцев данной области.

Ремесленник, приходя из деревни, в которой ремеслу он посвящал небольшую часть своего рабочего времени, а главную затрачивал на земледелие, придает своеобразный отпечаток рыночным пунктам. Полной экономической определенностью характеризуются только верхи населения. Главной их экономической деятельностью становится коммерческая, направлена ли она на крупные торговые обороты, или на ростовщические обороты, или на спекуляцию своей земельной собственностью в городах, или же на искусные операции, при посредстве городских советов, с городскими землями и с городскими финансами. Напротив, подавляющая масса населения — амфибиеобразные существа: и земледелец, и ремесленник, и мелкий торговец — все в одном лице. Особого торгового помещения обычно нет: ремесленник продает свои изделия из своего жилья, через окно или раствор, если только

не работает на дому у заказчика. На первых порах нередко бывало, что только некоторую часть года ремесленник работал у себя на дому, а большую часть времени — на дому у заказчиков, не только городских, но и деревенских: он был переходным ремесленником.

Выделение чистых ремесленников совершается лишь по мере того, как расширяются размеры местного рынка для ремесла. Однако и «чистый ремесленник» в большинстве случаев оставался не только промышленным производителем, но и мелким торговцем, — и остался им в Германии, напр., вплоть до новейшего времени. Если оставить в стороне ремесленников, обслуживающих потребности горожан, то торговля производилась главным образом в базарные дни, преимущественно по воскресеньям, когда ремесленник выходил на торг со своими изделиями.

Некоторые цифры, несмотря на неизбежную отрывочность, все же дают достаточное представление об экономическом строе средневекового города. В восточной Германии XIII века земельная собственность вновь возникающих городов с самого начала составляет от 6 до 10 тысяч моргенов (в круглых цифрах от 1.500 до 2.500 десятин), — величина очень крупная, если принять во внимание, что жителей в таких городах было всего несколько сотен. До $\frac{1}{4}$ этой площади оставалось в общинном пользовании и образovalo так называемую альменду. Остальная земля поступала *под пашни* и распределялась между горожанами совершенно так же, как в феодальной деревне — между крестьянами. Вообще, собственное земледелие было необходимым условием существования средневекового города, и только к новому времени, да и тогда лишь в наиболее передовых по экономическому развитию городах, оно сократилось до скромных размеров подсобного занятия.

Во Франкфурте на Майне в 1387 году из каждой тысячи жители мужского пола старше 12 лет ремеслами было занято не менее 514 человек. Там же и в Гейдельберге к половине XIV века на ремесленников приходится от 60 до 70% общего числа жителей. Из этого следует, что уже в XIV веке решительное численное преобладание в городах переходит к промышленному населению.

Переселяясь из деревни, полукрестьяне-полуремесленники приносили с собой в города типичный для феодальной деревни семейный строй производства. Глава семьи является главой и основой производственной ячейки. Он одновременно и организатор, и исполнитель. Обычные, иногда единственные его помощники — члены его собственной семьи. Принимая посторонних помощников, ремесленник и их вводит в свою семью. Правда, первоначальное название этих помощников: Knecht, Diener, Gesinde, valet, servant (слуга), и соответствующее ему название главы ремесленного производства: Meister, master, maître, означающее одновременно и «ма-

стер», и «господин», заставляют предполагать здесь наличность отношений господства и подчинения. Но эти названия удержались от тех времен, когда ремесленники были не городской, а деревенской профессиональной группой, когда они, как зависимые ремесленники, как вассалы, обслуживали потребности феодальной усадьбы. Название по традиции сохранилось, хотя положение ремесленника стало совершенно иным: решительно все, что известно о ранних отношениях средневекового ремесла, показывает, что ремесленный помощник был «прислугой» в самом безобидном, патриархальном значении этого слова.

XII—XIV века были эпохой блестящей конъюнктуры для ремесла. Крестовые походы познакомили Европу с передовой промышленностью Востока: с XII века начинается ускоряющийся прогресс европейской ремесленной техники и, как необходимое его следствие, обособление ремесла от земледелия. Сеньеры, переводя крестьян на денежные оброки, образуют расширяющийся рынок для свободного ремесла городов. Улучшение положения крестьян, сопровождающее развитие денежно-оброчных отношений в свою очередь знаменует расширение рынка. Но именно потому, что положение деревни улучшалось, приток новых элементов в города был ограниченный: увеличение числа городских ремесленников не поспевало за расширением спроса на ремесленные продукты. Для ремесла складывалась естественная монополия. Старые ремесленники могли не опасаться конкуренции новых ремесленников. Положение помощника было временным, обычно даже кратковременным. Оно продолжалось до тех пор, пока помощник не усовершенствуется в избранном ремесле и не накопит скромных средств, необходимых для устройства собственной мастерской. Все это отражается на числовых отношениях мастеров и помощников. Так, из тех 514 человек на тысячу, которые во Франкфурте 1387 года были заняты ремеслом, 343 были самостоятельные мастера, и только 171—помощники. Эта пропорция—один помощник на двух мастеров—может считаться типичной для ремесла в эпоху расцвета ¹⁾.

¹⁾ Здесь можно еще отметить, что даже значительный приток нового населения из деревень долгое время был едва лишь достаточен для покрытия убыли населения. Скученность в тесных стенах, узкие улицы, в которые едва проникает свет и свежий воздух, грязь, в которой иногда в буквальном смысле тонут не только пешеходы, но и всадники (так в конце XV века император Фридрих III едва не потонул один раз в Туттингене, другой раз—в Рейтлингене) клоаки около домов и под домами (в конце XII века на имперском сейме в Эрфурте обрушились балки пола, и все собрание провалилось в глубокую клоаку, в которой погибло 8 князей и более сотни рыцарей),—и несмотря на скученность, земледельческие занятия, в особенности скотоводство, увеличивающее загрязнение: все это приводило к ужасающей смертности. Проказа, чума, оспа, тиф, горячки и т. д. косили столь обильную жатву, что, несмотря на высокую рождаемость, население средневековых городов без притока извне вымерло бы в какие-нибудь 3—4 поколения.

Недавно оставив деревню, и даже в городе лишь в ряду поколений порывая свои связи с отношениями деревенского производства, ремесленники и на свою промышленную деятельность смотрят с чисто крестьянской точки зрения: ремесло должно дать пропитание, прокормить человека, который занимается им. Внутренние и внешние отношения ремесла долго носят отпечаток этой крестьянской идеи.

Прежде всего, образование цен на ремесленные изделия до прозрачности ясно связано с стремлением ремесленника просто обеспечить себе традиционный уровень жизни. Экономическая практика и экономическая теория ремесленного и крестьянского мира средних веков, это — не что иное, как примитивная, наивная форма практики и теории «издержек производства»: меновая стоимость (соответственно цена) продукта складывается из стоимости (цены) сырья плюс стоимость (цена) жизни, приличествующей ремесленнику. Т. е. вновь произведенная стоимость, присоединяемая к стоимости сырых материалов, равна стоимости средств существования ремесленника. Справедлива только та практика, — потому что только она и соответствует традиционным отношениям ремесла, — которая согласуется с этой формулой. Несправедливо все, что отклоняется от этой практики и теории, — так как всякое отклонение свидетельствует о том, что действительно ремесло утрачивает устойчивость и перестает быть господствующей формой хозяйства.

Образование цен на основе ремесленных издержек производства отличалось иногда большой непосредственностью, — прежде всего во всех случаях, когда ремесленник работал на дому и из материала заказчика¹⁾. Здесь заказчик должен был содержать ремесленников во все время работы. Денежная плата представляла просто небольшую приплату к натуральному продовольствию и покрывала издержки на одежду, жилище, развлечения, религиозные потребности и т. д.

Но и в тех случаях, когда не было такой непосредствен-

¹⁾ По Бюхеру такая работа (Lohnwerk) — вообще исходный пункт в развитии ремесла: переходная ступень от домашней работы для удовлетворения собственных потребностей семьи (Hauswerk, Hausfleiss) к высшей форме ремесла, при которой ремесленник работает для продажи (Preiswerk) неизвестным наперед, но преимущественно местным покупателям. Критики Бюхера указали, что избранные им признаки чисто внешние связаны с внутренними отношениями производства, и что устанавливаемая им последовательность развития не осуществилась в истории целого ряда ремесел: оружейная и многие отрасли металлургической промышленности вообще, производство шелковых тканей и т. д. едва ли стояли когда-нибудь в Европе на ступени Lohnwerk, и сбыт их едва ли ограничивался когда-нибудь местным рынком. С другой стороны, строительные ремесла, напр., относятся к числу тех, в которых ремесленная организация раньше всего достигла полной выработанности, — и однако по Бюхеру их пришлось бы отнести не к ремеслу, а к Lohnwerk. Можно отметить еще, что и по Бюхеру обмен начинается, как интерлокальный, межтерриториальный обмен, — и уже это одно не совсем согласуется с его схемой развития ремесла, поскольку он претендует на универсальность.

ности в образовании цен, издержки на существование ремесленника оставались таким же простым и ясным регулятором меновых пропорций. Продавая на еженедельном базаре свои изделия, ремесленник стремился получить такую выручку, которая оплатила бы стоимость сырых материалов и обеспечила существование на следующую неделю. Возмещение стоимости сношенных орудий в качестве элемента цены готового продукта не играло особенной роли, так как орудия все же оставались немногочисленными и немногосложными. Когда покупателем был непосредственный потребитель, в особенности деревенский, городской ремесленник, при повышающемся спросе на ремесленные продукты, оставался господителем положения, и мог диктовать справедливые с его точки зрения цены. И даже вторжение меж-территориального торгового посредника долгое время не вносило существенных изменений в положение ремесленника. При большой неподвижности ремесленной техники, при застойности условий транспорта, при повышающемся еще, — при всех этих условиях отношения спроса и предложения приобретали устойчивый характер и в основных чертах воспроизводились из поколения в поколение. Историки уже давно отмечали почти полную неизменность цен промышленных продуктов на протяжении целых столетий. Расширение рынка, деятельность торговцев долгое время не расшатывала, а скорее укрепляла положение ремесла. Но ремесленник «гонялся» за покупателем, а покупатель за ремесленником¹⁾.

Итак, еженедельная выручка должна была доставить ремесленнику 1) средства на продолжение производства (закупка сырья, починка старых инструментов и приобретение новых) и 2) средства на воспроизводство его рабочей силы (средства существования его самого, семьи и помощников). И выручка действительно получалась такая, что обеспечивала полную работоспособность по меньшей мере на следующую неделю.

Количество продуктов, которое ремесленник может произвести за неделю, в известных пределах прямо пропорционально степени использования рабочей силы: в 6 рабочих дней будет произведено в $1\frac{1}{5}$ раза больше, чем в 5 дней, и при 12-часовом рабочем дне — в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем при 8-часовом дне.

Средневековый ремесленник работал столько, сколько

¹⁾ Давно исчезнувшее монопольное положение ремесленника (и торговца) оставило известные традиции, которые можно до сих пор наблюдать в наших захолустных местечках и в особенности на Востоке. Ремесленник (и торговец) считает ниже своего достоинства выказать предупредительность к заказчику или покупателю; он сначала неторопливо закончит бесконечный разговор с предыдущим покупателем, потом вступит в такую же бесконечную беседу с новым и, наконец снисходительно перейдет к делу. Всем своим поведением он показывает, что он собственно не нуждается в покупателях, а напротив оказывает им одолжение.

безусловно необходимо для поддержания привычного уровня жизни. Конечно, этот уровень с развитием города повышался: недаром патрицианские городские советы, стремясь сохранить внешнюю обособленность патрицианского класса, в XIII и XIV веках начинают борьбу против «роскоши» и «расточительности» низших сословий. Однако и повышенные потребности, связанные в значительной степени с монопольным положением ремесленника, некоторое время удовлетворялись довольно легко благодаря все тому же монопольному положению: ремесленник имел возможность учитывать их в цене своего продукта.

Принуждение к прибавочному труду существовало для ремесленника в сравнительно ограниченной степени. Оно было сильным, пока феодально-зависимый ремесленник и по переселении в город был связан оброчными отношениями непосредственно с своим господином. Эта непосредственность связи неизбежно повела бы к такому же пышному расцвету дани, взимаемой помещиками с промышленности, как то наблюдалось в России. Но уже с XII века всякий новый пришелец, прожив в городе год, совершенно освобождался от личной зависимости. Оброк сменялся разными пошлинами и сборами, которые уплачиваются городу. И по мере того, как росла самостоятельность городов, по мере того, как ремесленники добивались участия в городском управлении, принуждение к прибавочному труду с этой стороны сводилось к размерам, необходимым для ведения городского хозяйства устройства укреплений и проч.: к размерам, несравненно более скромным, чем в деревне, где сохранилась личная зависимость крестьян от помещика. Давление торгового посредника, который напоминал ремесленника в том отношении, что был монополистом для покупателя, тоже не могло быть тогда сколько-нибудь значительным¹⁾.

¹⁾ Об отличиях ремесленного хозяйства от других экономических форм существует обширная литература (см., между прочим, полемику Бюхера и Зомбарта). Из всего предыдущего следует, что действительное ремесло в эпоху его жизнеспособности характеризуется такими моментами: 1) эмпирическая, преобладающая ручная техника; 2) производство, в общем не превышающее по своим размерам семейного; 3) товарное производство, задачей которого является не накопление, а удовлетворение непосредственных потребностей ремесленника и его семьи; 4) минимальная степень принуждения к прибавочному труду со стороны ли государства, со стороны ли торговых посредников. Последний пункт предполагает что средства производства принадлежат самому производителю: в противном случае собственник средств производства выжимал бы из него прибавочный труд. Всякое изменение в условиях, отмеченных в 3 и 4 пунктах или в обоих одновременно, дает великое разнообразие начальных и ублюдочных экономических форм: семейное производство для непосредственного удовлетворения собственных потребностей, эмбриональный „ремесленник“ при усадьбе, оброчно-обязанный „ремесленник“, домашний промышленник (кустарь), „мастерок“. Бюхер несомненно подходил к тому отличительному признаку, который выражен в пункте 4. Но вместо того, чтобы прямо выдвинуть этот экономический признак, он остановился на внешнем,

При таких обстоятельствах огромная часть рабочего времени ремесленника представляла необходимое время: оно было как раз достаточно для производства стоимости, которая при обмене на продукты крестьян или других ремесленников давала количество их, необходимое для существования ремесленника и его семьи. Прибавочное время составляло относительно ничтожную величину, прибавочную стоимость ремесленник производил в самых скромных размерах.

Экономическая самостоятельность ремесленника нашла ясное выражение в продолжительности его рабочего времени. Прежде всего, судя по всем данным,—конечно, неизбежно более или менее шатким,—даже к концу XIV века рабочий день в среднем выводе едва ли превышал 8 часов. Но рабочих дней в году было немного,—по всей вероятности, немного более половины. Известно, насколько многочисленны были в средние века церковные праздники. Кроме того, не только воскресенье, но, повидимому, и понедельник был праздничным днем: в конце средних веков подмастерья с таким упорством и сознанием своей правоты борются за обычай понедельничанья, как они могли бороться только за старозаветные обычаи и освященные временем традиции.

Таким образом, если крестьянину для того, чтобы по отбытию повинностей остались необходимые средства существования, приходилось работать, скажем, 60 часов в неделю, то ремесленнику было достаточно, может быть, 40 часов. Предположим дальше, что из 60 рабочих часов крестьянина 10 часов затрачивалось на производство прибавочной стоимости для сеньера, а остальные 50 составляли необходимое время крестьянина. Предположим для упрощения, что привычные потребности ремесленника не отличались от крестьянских потребностей, и что труд ремесленника и крестьянина мало отличались по степени квалификации. Тогда у нас получится вывод: для того, чтобы существовать, ремесленник за продукт, воплощающий 40 часов труда, должен получать при обмене с деревней продукт, на производство которого крестьянин затратил 50 часов труда.

И действительно, все, что известно о средневековом ремесле, подтверждает, что общая, основная тенденция меновых отношений между городом и деревней была именно такова. Ремесленник и крестьянин (или сеньер) обменивались

побочном обстоятельстве: на длине пути от производителя к потребителю. Зомбарту ничего не стоило показать, что капиталистическое производство в известных случаях до такой степени сокращает этот путь, как и не мечталось ремесленнику. Однако в классификации Бюхера есть сторона, которая сделала ее в особенности приемлемой для буржуазной науки. При этой классификации совершенно затушевывается развитие отношений эксплуатации и такая характерная особенность капиталистической системы хозяйства, что при ней в товар превратилась и рабочая сила. Классификация Бюхера в конце концов отвлекает внимание от производственных отношений к отношениям в сфере обращения.

не равными стоимостями. Ремесленник за стоимость своего продукта получал большую стоимость, продавал свой продукт *выше его действительной стоимости*. Цены на ремесленные изделия были *монопольными ценами*.

Все это неизбежно отражалось и на положении ремесленного помощника. Живя в семье хозяина, он питался вместе с хозяином; будучи просто помощником, под прямым руководством хозяина совершенствующимся в ремесле, он работал столько же, сколько хозяин; всякое удлинение рабочего времени для помощника удлинит и рабочее время и для хозяина, а для этого, как показано выше, не было особенных побуждений. Работая сначала за одно продовольствие, помощник по мере выучки получал некоторую плату, из которой он оплачивал свои издержки вне дома хозяина и делал сбережения для оборудования в будущем своей собственной мастерской. У старого ремесленника не было оснований затруднять помощнику дорогу к самостоятельному положению. Эпоха возвышения ремесла совпадает с эпохой усиленной борьбы ремесленного сословия против городского патрициата, и это обстоятельство заставляло желать не сокращения, а ускоренного роста численности ремесленников.

Но и здесь необходимо напомнить еще раз, насколько неустойчивы условия существования ремесла в его чистом виде, и насколько различна степень этой неустойчивости для различных отраслей ремесла. Ремесленнику вообще чуждо стремление к накоплению, он вообще не переходит за границы рабочего времени, необходимого для удовлетворения истинных потребностей. Но всякое изменение в условиях сбыта, в технике производства, всякий шаг в развитии города создает побуждения к накоплению. Начинается оно как накопление предметов потребления—предметов роскоши—и на этой ступени слабо отражается на производственных отношениях ремесленника; потом оно, перейдя через ряд промежуточных ступеней, сменяется стремлением к накоплению стоимостей в абстрактной, денежной форме и довольно быстро приводит к экономическому расслоению некогда однородного ремесленного сословия. Известные отрасли производства становятся доступными лишь для тех, кто далеко ушел в накоплении; в пределах одной и той же отрасли намечаются крупные имущественные различия.

Вот некоторые цифры, характеризующие эту сторону средневековых ремесленных отношений.

В Париже конца 1293 года получали ежегодный доход

более 10.000 франков.	1 ремесленник
5.000—10.000 „	6 „
1.000— 5.000 „	121 „
250— 1.000 „	375 „
50 — 250 „	821 „

В Базеле 1429 года располагали имуществом:

	Менее 50 флор.	От 50 до 300 флор.	От 300 до 1 000 флор.	Свыше 1 000 флор.
Сукноделов	159	51	2	1
Кузнецов	42	86	36	8
Мясников	34	35	18	10
Пекарей	19	31	14	6
Портных и скорняков	65	47	9	2
Плотников и каменщиков	80	100	28	3
Аппретурщиков сукна, маляров и шорников	24	34	16	2
Льноткачей	53	32	8	—
	488	416	131	34

В Гейдельберге 1439 года приходилось имущества на душу:

В цехе мясников	199 гульденов.
„ „ пекарей	167 „
„ „ портных	119 „
„ „ башмачников	113 „
„ „ кузнецов	100 „
„ „ ткачей	52 „

Значительные группы, — в первой таблице три верхних строки, во второй два последних вертикальных ряда, — вероятно, чисто номинально входили в состав ремесленников, отнесены к ним по своей принадлежности к ремесленным цехам. Экономически они приближались к торговой буржуазии.

Вторая и третья таблицы показывают, что быстрота, с которой совершается развитие ремесленников в буржуа, различна для различных отраслей производства. Дальше всего зашел этот процесс у пекарей и мясников. Напротив, тащи по своему положению, видимо, приближаются к пролетариям.

Все три таблицы относятся к эпохам, когда в ремесленном строе, обнаружались крупные бреши. Но и данные для более ранних периодов, если бы они были добыты, по существу отличались бы только меньшей рельефностью. Ремесло, — как деревня почти до последнего времени, — могло производить внешнее впечатление полной однородности и недифференцированности. Но в ремесле, — как и в деревне, — под этой обманчивой оболочкой неизменности и неподвижности скрывались фактические различия, которые, как бы слабы ни были они первоначально, в дальнейшем развитии все явственнее отчеканивают классовые различия в пределах но-

минально единого *сословия* и таким образом ведут к разрушению старого социального строя.

На этом мы еще раз убеждаемся, насколько шаток и непрочен был ремесленный строй, и как трудно указать такую эпоху в истории, когда ему принадлежало бы полное и безраздельное господство.

*
*
*

Цехи, организации ремесленников, возникали одновременно с ремеслом: в деревне по мере обособления ремесла от земледелия, в городах—по мере развития городов¹⁾.

Согласно старинным воззрениям, ремесленники создали цехи для того, чтобы известным урегулированием производства и сбыта обеспечить как существование ремесла вообще, так и ремесленное существование—самостоятельность и равенство—всех отдельных ремесленников.

Такое рационалистическое объяснение необходимо оставить. Первоначальные зародыши цехов не строились ремесленниками по наперед составленному плану и с наперед определенными целями. Они возникали с большой непосредственностью,—они, можно сказать, *выросли* почти так же, как старинные кровные союзы или, что еще ближе, как позднейшие деревенские или семейные общины («большая семья»). Содержание их деятельности—их «цели»—изменялось и усложнялось в ходе развития, а не выступало, как нечто готовое при самом их зарождении.

Первоначальный цех был сколком с той деревенской общины, из которой вышли ремесленники, и которая сохраняла большую живучесть в эпоху зарождения ремесла: в XI—XII веке. Взаимная помощь в самых разнообразных формах: при постройке дома, обработке земли, пожаре, болезни, в делах, превышавших силы одиночной семьи, и т. д., играла крупную роль в деревне и служила тем материальным базисом, который задерживал разложение старинной недифференцированной сплоченности и поддерживал так называемый «общинный дух». В городе, благодаря относительной новизне условий существования потребность взаимной поддержки еще более возрастала. «Общинный дух» не утрачивался на дороге из деревни до города. При таких обстоятельствах несколько неудивительно, что примитивные ремесленные союзы возникают одновременно с городским ремеслом. Было бы, напротив, неразрешимой загадкой, если бы ремесленники выступили в истории как одиночки.

¹⁾ Раньше исследователи полагали, что городские цехи развились непосредственно из организации феодально-зависимых ремесленников. В настоящее время эта гипотеза оставлена. Некоторые сходства деревенских и городских организаций объясняются не тем, что вторые развились из первых, а тем, что у обоих был общий корень: деревенская община; общая историческая обстановка была одинакова для тех и других, и по своей технике городское ремесло лишь с большой медленностью возвышалось над деревенским.

Насколько велика была потребность первоначальных ремесленников в постоянном общении, лучше всего показывает, пожалуй, тот факт, что они и расселялись профессиями. Об этом до сих пор напоминают сохранившиеся от средних веков названия улиц: Кузнецкая, Слесарная, Столярная, Гончарная, Суконная, Полотняная и т. д. (в Новгороде — «концы» Гончарский и Плотницкий). Ремесленникам не приходилось создавать, выдумывать организацию. Она складывалась. Ремесленники как бы просто приносили ее с собой и в себе.

Точно так же не приходилось им помышлять об «уравнительном распределении» ремесла между собою, выдумывать какие-нибудь искусственные меры для того, чтобы восстанавливать равенство. Равенство было фактом, который существовал независимо от воли ремесленников. Размеры производственных групп — семей — были почти одинаковы. Все ремесленники приходили в развивающийся город, в общем, с одинаковыми техническими навыками, с одинаковыми орудиями труда и с одинаковыми недостатками или, точнее, с одинаковым отсутствием сбережений. И в этом смысле они были плотью от плоти феодальной деревни.

В экономических функциях первоначальных цехов ярче всего выражена не запретительная, а положительная сторона: стремление обеспечить общие условия существования соответственного промысла. Цехи¹⁾ устраивают необходимые сооружения для общего пользования: сушильни для сукна, заведения для очистки шерсти, красильные, прокатные, априетурные, иногда закройные заведения и т. д., — словом, приспособления, необходимые для всего промысла, но непосильные для отдельного ремесленника. Цехи же организуют оптовую закупку сырья для всего промысла, когда для его приобретения требуются отдаленные поездки, или для определения его качества необходимы специальные способности. Приобретение сырья от приезжих купцов на местном рынке обставляется такими условиями, которые напоминают обычные отношения торгового дела в деревне: не отдельный покупатель, а коллективность противостоит продавцу, определяет качество товара, цену и т. д. Позднейшее цеховое законодательство, регулирующее закупки ремесленников на рынке, еще долго сохраняет следы своего происхождения из этой примитивной формы торгового дела.

Из всего предыдущего следует, что вступление в цех было результатом не внешнего принуждения, а совершенно естественным актом, вытекавшим из внутренних побуждений

¹⁾ Иногда городские советы. Вообще, наблюдается такое явление, что многие функции, которые с течением времени перешли к цехам, сначала лежали на городских советах. Это совершенно естественно: представляя позднейший элемент городского населения, ремесленники некоторое время были бы и не в силах взять на свои организации разрешенные сколько-нибудь сложных задач.

кандидата в ремесленники. И так же естественно было, что кандидат принимался в ремесло не отдельным ремесленником, а всем цехом, — как не отдельный крестьянин, а только вся деревенская община принимала нового члена. На отдельного ремесленника возлагалось только руководство окончательной подготовкой к ремеслу, и он же давал заключительный отзыв об успешности подготовки. Этим отзывом заканчивалось дело, — и помощник без каких бы то ни было испытаний становился полноправным членом цеха.

Труднее решить, в чем лежат корни таких функций цехов, как осмотр товаров перед поступлением на рынок старшинами цеха, и таких требований, как однородность материала, однокачественность работы, одинаковость длины и ширины (напр., сукон) и т. д. Во многих городах подобные рыночно-полицейские меры развивались раньше, чем цехи, и осуществлялись городскими советами. В таких случаях источником их был не «общинный дух» цехов, а, вероятно, стремление патрициев, меж-областных торговых посредников, гарантировать для себя известный минимум добротности товаров. Таким способом эмбриональный «торговый капитал» делал попытки некоторого вторжения в сферу производства. И лишь по мере того, как цехи растут, крепнут и наносят удары единому держанию старого патрициата, им удается добиться того, чтобы функции промысловой полиции осуществлялись одними цеховыми старшинами или старшинами совместно с представителями городского совета.

Несомненно однако, что некоторые и из ранних мер цехов не могут быть названы иначе, как запретительными. Таковы главным образом известные ограничения, делающие для некоторых категорий лиц невозможным вступление в цех (а вместе с тем и занятие ремеслом в городе). Но эти ограничения отличаются своеобразной естественностью: прозрачностью и непосредственностью связи с основными условиями мелко-буржуазного производства вообще и свободного ремесленного мелко-буржуазного производства, вкрапленного в феодальный мир, в частности.

Таково, напр., одно из самых ранних воспрещений: воспрещение принимать в цех детей неизвестных родителей и вообще внебрачных детей. Построенное на базисе мелкой патриархальной семьи, мелко-буржуазное производство, крестьянское и ремесленное, ревниво охраняет этот базис и метит презрением и бойкотом детям тех, кто распатывает этот устой.

Таковы же ранние постановления некоторых цехов не принимать сыновей пастухов, льноткачей, мельников и т. д.¹⁾ Освободившись от феодалов тяжелой борьбой, обособившись от деревни, над населением которой и в феодаль-

¹⁾ Напомним, что мельницы часто устраивались сеньерами. Мельник был в таких случаях барщинным крестьянином.

ный период тяготело принуждение к прибавочному труду в пользу сеньера, горожане могли охранять это обособление только оолее или менее искусственными мерами: преграждением доступа к ремеслу тем элементам деревни, которые подвергались наиболее сильной эксплуатации сеньера и своей приниженностью и забитостью могли бы ослабить способность ремесла к борьбе за независимость.

Таков же источник борьбы цехов против изделий деревенского ремесла. Цехам не удалось добиться полного воспреещения продавать эти изделия на городском рынке, но в большинстве случаев они сумели провести существенные ограничения. На заказчиков же горожан вообще имели право работать только городские ремесленники. В стремлении убит конкуренцию феодально-зависимого населения, цехи стараются превратить свой город в единственный промышленный центр области: на известном расстоянии вокруг города занятию ремеслом воспрещаются (*Bannmeilenrecht*, — причем заповедная «миля» от черты города, лишь очень редко была действительной милей, а в новое время расширялась иногда до 8 миль, т.-е. приблизительно до 60 километров).

Для этих и тому подобных ограничительных и запретительных мер в ранний период характерно одно обстоятельство: город—или по меньшей мере промышленная часть его населения—выступает как солидарное, внутренне-единое, целое. Конечно, и эти меры говорят о том, насколько ограничен технический базис ремесла, насколько слабо его техническое превосходство над деревенскими подсобными промыслами, насколько узки и шатки социальные условия его существования. Но они отнюдь еще не свидетельствуют о внутреннем разложении самого городского ремесла.

Первые цехи принимали форму братств, религиозных союзов. Связь ремесленных организаций с церковными церемониями настолько велика, что некоторые исследователи полагали, будто цехи с самого начала организовались для участия в культе: для содержания на общий счет неугасимых свечей перед изображением местных святых, для коллективных панихид по покойным товарищам, для коллективного же участия в погребении и во всех церковных процессиях. Помощь сиротам и больным, устройство госпиталей и т. д. тоже принимали форму религиозной благотворительности. Все это и не могло быть иначе при господстве, церкви в обществе средних веков¹⁾.

¹⁾ Любопытно однако, что в городах с первых веков их развития это господство не было таким подавляющим, как в деревне. Уже с XII—XIII века в привилегиях городов Германии значится, что гражданам воспрещается передавать или продавать церквям и монастырям какую бы то ни было недвижимость. Очень рано началась, но не увенчалась таким успехом, и борьба горожан против податных изъятий и привилегий духовенства, а также против промышленного производства при монастырях. Последнее на Западе как и в России строилось на эксплуатации

Связанные самым тесным соседством, сплоченные еще теснее всей организацией выучки и отношениями повседневной жизни, ремесленники обладали в своих цехах готовыми организациями для всех случаев, когда требовались массовые действия. Цехи были готовыми пожарными дружинами, работавшими под руководством своих старшин¹⁾. Но они были и готовыми боевыми дружинами, организованно выступавшими по звуку набатного колокола, — они были *главной боевой силой развивающихся городов* (условием вступления в цех почти повсюду ставится приобретение надлежащего оборонительного и наступательного оружия). Регулярного войска в средневековом городе не было. Там была всеобщая воинская повинность, но она осуществлялась, как всеобщее вооружение, как народная милиция. Выступая против сеньоров, города опирались в первую очередь на ремесленников, — дюжих, крепких людей, — и рыцарскому ополчению очень пришлось испытать на себе организованную военную силу городских цехов: «Мы, кожевники, хорошо пробудили шкуры рыцарей». «Мы, красильщики, недурно покрасили их в пурпуровый цвет».

Но развитие общественных отношений в средневековом городе шло с большой быстротой. Не успел он освободиться от феодального мира, как началась внутренняя борьба: борьба крепнущих цехов против патрициата — феодального элемента, все более превращающегося в плутократический, — захватившего городское управление и открыто подчиняющего все городские отношения своим интересам. Уже в эпоху борьбы германских императоров с папами обнаруживается глубокая социальная рознь в городах: цехи становятся на сторону светской власти, городская аристократия тянет к папам. С конца XIII века в одном городе за другим плебейская пехота — ремесленные дружины — обнаруживает свое военное превосходство над патрицианской конницей. В цехах, которые сплачивают всех членов промысла, растворяется — как в старом роде — личность каждого отдельного члена, но тем целостнее, согласованнее в своих действиях и сильнее становится коллективность.

почти бесплатного или совершенно бесплатного труда (различные „послужания“). Ремесло было бы убито таким производством, — и в некоторых областях России действительно было убито монастырями, превратившимися в крупные торгово-промышленные заведения. Борьба с монастырской промышленностью отразилась на некоторых революционных требованиях в эпоху германской крестьянской войны.

¹⁾ Эта сторона деятельности цехов имела существенное значение. Отапливались дома „по-черному“, т. е. без дымоходов. Все здания были исключительно деревянные в Гамбурге, Цюрихе, Берне еще в XII веке, в Магдебурге, Любеке и Бреславле — в XIII веке, в Шпейере, Гейльсберге и Мюнхене — в следующем. Во Франкфурте на Майне еще в XIV в. в Аугсбурге еще в XV веке все здания были крыты гонтом (дранью) и соломой. Последнее показывает, какую огромную роль играло земледелие. Средневековые города постоянно горели, как современные русские деревни.

Во многих городах борьба приняла затяжной характер. Торговая аристократия старалась во что бы то ни стало сохранить свои привилегии и беспощадно расправлялась с революционерами. Напр., в 1301 году в Магдебурге 10 старшин цехов были сожжены на городской площади, в 1305 году в Брюсселе несколько «зачинщиков» ремесленного движения живыми зарыты в землю, в Кельне в 1371 году несколько ткачей предано казни, и многие с женами и детьми—в общей сложности более 1¹/₂ тысячи душ—изгнаны из города.

Исход борьбы в разных городах определялся общим направлением их экономического развития. В большинстве городских приморских республик Италии полная победа осталась за торговой аристократией. В городах ганзейского союза преобладающей формой экономической деятельности сделалась посредническая торговля, и решительное преобладание с самого начала принадлежало купеческому сословию. Здесь борьба цехов не могла развернуться далее преходящих, эпизодических вспышек и беспорядков. Упомянутая была она в Нюрнберге и Франкфурте на Майне, но тоже не увенчалась успехом. В большинстве английских городов, а также в вестфальских: Дортмунде, Мюнстере, Оснабрюке, ремесло развивалось настолько быстро, что торговой аристократии пришлось без особого сопротивления удовлетворять его требования. К половине XIV века в тех городах Франции, Нидерландов и Германии, где ремесло становится серьезной экономической силой, политическая борьба вообще закончилась полной или частичной победой цехов. Не во многих городах она продолжалась до конца средних веков, ее отражением являются даже некоторые из требований крестьянской войны в Германии.

В случаях полной победы, цехи овладевают всем городским управлением (Аугсбург, Констанц, Магдебург, Брауншвейг), иногда изгоняют побежденные патрицианские роды, иногда заставляют их вступать в цехи ремесленников. Но чаще они добиваются лишь некоторого влияния на городские дела: цехам предоставляется посылать в городской совет известное количество своих представителей, которые иногда смешиваются с представителями патрициата, но иногда выделяются в особую «цеховую скамью» или даже в особую палату, в «малый совет»,—соответствующий палате общин,—которому противостоит тогда «большой совет», представляющий некоторое сходство с палатой лордов.

Но какие конкретные формы ни принимало бы участие цехов в политической власти, оно в конечном счете знаменовало не демократизацию управления, а лишь некоторое расширение аристократии или замену патрицианской, торговой аристократии цеховой, ремесленной аристократией. Во-первых, внутренняя, экономическая дифференциация ремесла нашла выражение в политической дифференциации: высту-

пают цехи привилегированные и неполноправные, и внутри каждого цеха выдвигается небольшое количество богатых фамилий, которые фактически только и получают доступ в городской совет. Они оттесняют старые патрицианские фамилии или полюбовно делятся с ними выгодами от городского хозяйства. Мелко-буржуазные общественные формы неизбежно приводят к таким результатам. Их производственный базис узок, — он общественный лишь постольку, поскольку основной производственной ячейкой служит семья. Отдельным же семьям, а не ремесленникам, как классу, достаются и главные плоды победы ремесленного сословия. Городское управление остается таким же хозяйничаньем узких и жадных кланов, таким же корыстным, испорченным и продажным, как было при единовластии патрициата. Во-вторых, с того самого XIV столетия, к которому относятся главные победы цеховых ремесленников, они сами в полном составе превращаются в ремесленную аристократию, которая чем дальше, тем беспощаднее оберегает свои привилегии от новой демократии, от подмастерьев, превращающихся в особое сословие внутри ремесла.

Таким образом классовая борьба в городах не прекращается на всем протяжении средних веков.

* * *

Формы организации, близко напоминающие ремесленные цехи, складывались в средние века и в таких сферах, которые не имеют непосредственного отношения к промышленному производству или даже к материальному производству вообще. В средневековых городах и отчасти в деревне были, напр., организованы в цеховые корпорации рыбаки и мелкие виноделы. С большой полнотой воспроизводился цеховой строй в организациях ландскнехтов, и еще полнее — в организации средневековых ученых профессий: ученик, подмастерье, мастер — ученик, бакалавр, магистр. В этих профессиях нашли широкое применение даже ремесленные методы борьбы: стачка, неуловимой гранью отделяющаяся от восстания; бойкот, обыкновенно сопровождающийся оставлением университетского города и недопущением заместителей, переселением в соседние города и перенесением в них «учебной промышленности» из старых пунктов.

Способ возникновения цехового строя в этих сферах до настоящего времени недостаточно исследован. В некоторых случаях — у виноделов, рыбаков, ландскнехтов — несомненно имело место простое перенесение цеховой организации, защищающей монопольное положение наличных членов профессии, из промышленной области. В других с самого начала обнаруживали свое действие такие же предпосылки, как в области ремесла. Так, ученые профессии на протяжении значительной части средних веков пользовались фактической монополией; методы выучки характеризовались та-

ким же господством субъективизма и такой же интимной близостью мастера (магистра) и учеников, как в собственном ремесле; в мистерии алхимии или астрологии новичек вводился с такой же постепенностью, органически связанной с его возрастом, как в ремесле: малолетний, юноша, взрослый человек—ученик, подмастерье (студент), мастер (магистр).

4. Разложение ремесла. Классовая борьба внутри ремесла.

Со второй половины XIV века начинается величайший расцвет ремесла, продолжающийся до половины следующего столетия. Но в это же самое время в его глубинах совершаются изменения, которые подтачивают и разлагают ремесленный строй в одном промысле за другим.

Прежде всего, изменялась техника ремесла. Расширение рынка сопровождается распадением целостных раньше промыслов на детальные подразделения, которые становятся все дробнее и мельче. И чем мельче эти подразделения, тем элементарнее становится ремесленная выучка, тем быстрее раскрывается тот покров мистерии, тайны, который при зарождении ремесла окружал производственные процессы. Дробление старинных целостных промыслов в некоторых случаях приводит к тому, что намечается мануфактурное разложение производственного процесса. И хотя детальные работники, преимущественно деревенские, еще не объединяются в одной мастерской, но они уже объединяются посредником-раздатчиком, и продукты их уже начинают конкурировать с ремесленными изделиями. Это явление наблюдается в особенности в области производства сукна и в некоторых металлургических промыслах.

Далее, многие промыслы, возникавшие в форме ремесленного производства, с течением времени становятся технически возможными только в виде крупного производства с чрезвычайно сложным и дорогим оборудованием. Наиболее ярким примером может служить горное дело. Пока можно было ограничиваться поверхностной выработкой руды или розсыпей, устройство «дудки» не превышало сил отдельной семьи. С углублением разработки становится необходимой сложная система шахт с водоподъемными машинами, вентиляционными приспособлениями и т. д. Пока техника производства железа оставалась кузнечной, у крупного производства не было почвы. С переходом к технике доменной печи почву утратило мелкое производство.

Конечно, «общинный дух», «артельное начало», характерные для первоначальных ремесленников, наталкивали на некоторые способы для того, чтобы примирить мелкое самостоятельное производство с необходимостью сложных, дорогих сооружений: последние устраиваются коллективными силами для нужд всей коллективности. Но этот выход для ре-

месла существовал лишь до тех пор, пока сохранялись предпосылки артельного, недифференцированного бытия, т. е. пока дифференциация ремесленников внутри каждого цеха не заходила сколько-нибудь глубоко, пока каждый промысел в целом характеризовался всесторонним господством посредственности. По мере того, как ремесленное сословие рас-
слагается, такие коллективные сооружения постепенно попадают в руки тех, кто ими заведует, а впоследствии они уже с самого начала устраиваются зажиточными членами цехов исключительно за свой счет и для своей выгоды. Такие сооружения превращаются для богатых ремесленников в опорные пункты экономического подчинения номинальных товарищей по цеху и чрезвычайно ускоряют процесс расслоения.

Изменяются с развитием ремесла и все рыночные отношения. Прежде всего, техника транспорта делает некоторый шаг вперед. Превращаясь в промышленный центр своей области, каждый город становится узлом дорог, все еще очень плохих, но тем не менее допускающих колесный транспорт вместо прежнего вьючного. Устраиваются и поддерживаются мосты, кое-где настилаются гати и т. д. Речной транспорт в некоторых пунктах достигает внушительных размеров. Еще быстрее развивается морской транспорт. Так как эти явления одновременно совершаются во всех областях, то постепенно самые отдаленные из них связываются между собою непрерывными дорогами, которые по средневековым условиям могли называться проезжими.

Политическое объединение, в котором учитывается экономическое объединение посредством развивающегося обмена, в свою очередь устраняет целый ряд помех для торговых сношений. С одной стороны объединители, как, напр., Людовик XI во Франции, связывают отдаленнейшие части своих стран усовершенствованными путями и вообще развивают средства сношений (создается примитивная почта). Хотя они преследуют при этом в первую очередь военно-полицейские цели—стремятся усовершенствовать методы подавления областных, сепаратистских, феодальных тенденций,—однако все это создает солидный базис для полной перестройки всех отношений средневековой торговли. С другой стороны, подавляя былую независимость областных сюзеренов и мелких сеньеров, централизаторы повышают безопасность передвижения торговых обозов и караванов.

В условиях приобретения сырья ремесленниками постепенно назревал целый переворот. Рынок сырья, из преобладающе областного для большинства промыслов, расширяется в национальный, наконец, даже в интернациональный (напр., рынок шерсти). Местные различия в условиях производства сырья приобретают решающее значение. По мере того, как на рынках появляются и сталкиваются между собою продукты все новых и новых местностей, замкнутых в прежнее время вследствие бездорожья, рушится старая неизменность усло-

Насколько велика была потребность первоначальных ремесленников в постоянном общении, лучше всего показывает, пожалуй, тот факт, что они и расселялись профессиями. Об этом до сих пор напоминают сохранившиеся от средних веков названия улиц: Кузнецкая, Слесарная, Столярная, Гончарная, Суконная, Полотняная и т. д. (в Новгороде — «концы» Гончарский и Плотницкий). Ремесленникам не приходилось создавать, выдумывать организацию. Она складывалась. Ремесленники как бы просто приносили ее с собой и в себе.

Точно так же не приходилось им помышлять об «уравнительном распределении» ремесла между собою, выдумывать какие-нибудь искусственные меры для того, чтобы восстанавливать равенство. Равенство было фактом, который существовал независимо от воли ремесленников. Размеры производственных групп — семей — были почти одинаковы. Все ремесленники приходили в развивающийся город, в общем, с одинаковыми техническими навыками, с одинаковыми орудиями труда и с одинаковыми недостатками или, точнее, с одинаковым отсутствием сбережений. И в этом смысле они были плотью от плоти феодальной деревни.

В экономических функциях первоначальных цехов ярче всего выражена не запретительная, а положительная сторона: стремление обеспечить общие условия существования соответственного промысла. Цехи ¹⁾ устраивают необходимые сооружения для общего пользования: сушильни для сукна, заведения для очистки шерсти, красильные, прокатные, аппретурные, иногда закройные заведения и т. д., — словом, приспособления, необходимые для всего промысла, но непосильные для отдельного ремесленника. Цехи же организуют оптовую закупку сырья для всего промысла, когда для его приобретения требуются отдаленные поездки, или для определения его качества необходимы специальные способности. Приобретение сырья от приезжих купцов на местном рынке обставляется такими условиями, которые напоминают обычные отношения торга в деревне: не отдельный покупатель, а коллективность противостоит продавцу, определяет качество товара, цену и т. д. Позднейшее цеховое законодательство, регулирующее закупки ремесленников на рынке, еще долго сохраняет следы своего происхождения из этой примитивной формы торга.

Из всего предыдущего следует, что вступление в цех было результатом не внешнего принуждения, а совершенно естественным актом, вытекавшим из внутренних побуждений

¹⁾ Иногда городские советы. Вообще, наблюдается такое явление, что многие функции, которые с течением времени перешли к цехам, сначала лежали на городских советах. Это совершенно естественно: представляя позднейший элемент городского населения, ремесленники некоторое время были бы и не в силах взять на свои организации разрешение сколько-нибудь сложных задач.

бий приобретения, начинается революция цен, все более ускоряющаяся с течением времени. Стародедовская мудрость, сложившаяся на базисе неподвижности всех отношений, терпит банкротство, когда она ставится лицом к лицу с постоянным движением, с нескончаемыми изменениями. Новый рынок требует и новых людей: не ремесленников, а тех специалистов, которые появляются и растут вместе с новым рынком. Как аппретурщик или красильщик, уступающие дорогие мастерские для окончательной отделки сукна, подчиняли себе суконщиков, так в большинстве других промыслов ремесленники попадали в экономическую зависимость от тех купцов, у которых они теперь приобретали сырье. В этих купцов—как и в аппретурщиков—иногда превращаются отдельные цеховые ремесленники, главным образом те, которым цехи поручили коллективную закупку сырья.

Но устойчивость отношений исчезла не только для приобретения, но и для сбыта. На рынке сталкиваются ремесленные изделия, производимые при самых разнообразных условиях. Рыночные отношения становятся настолько сложными и изменчивыми, что в них не в состоянии ориентироваться ремесленный ум, сложившийся в отношениях неизменности и постоянства. Торговец отделяется теперь от ремесленника, который раньше соединял в себе производителя и торговца. Коллективная организация сбыта через специалистов-уполномоченных цеха, осуществляемая при почти полной недифференцированности отношений, становится невозможной, когда отдельные ремесленники, экономически отделившись от массы, охватываются стремлением к дальнейшему выделению из нее. Уполномоченные цехов, организовавшие сбыт (они же обычно закупали и сырье для цехов), постепенно превращались в скупщиков, которые торгуют ремесленными произведениями уже за свой собственный счет и исключительно для собственной выгоды.

Согласно популярным воззрениям, самостоятельного ремесленника убивала конкуренция машинного производства. Из предыдущего следует, что капитал в своем историческом развитии находит несравненно более многочисленные и разнообразные способы подчинения ремесленника. Удары самостоятельному ремеслу наносились много раньше, чем выступает машинное производство. И в позднейшее время, отчасти на наших глазах, ремесло гибнет и в таких промыслах, на которые не распространяется крупное производство ни в форме фабрики, ни в форме мануфактуры. Только при полном непонимании общих условий существования самостоятельного ремесла и при плоском, упрощенном, схематическом изображении его исторического развития можно было надеяться, что его удастся спасти при помощи артельного приобретения машин или посредством изобретения и распространения мелких моторов.

Изменение средневековых рыночных отношений само по

себе было бы недостаточно для того, чтобы у торговых посредников, алфетурщиков и проч. явилась возможность экономически подчинить себе самостоятельных ремесленников, т.-е. *принудить их к прибавочному труду* в свою пользу. Пока спрос на ремесленные продукты превышал их предложение, позиция ремесленника по-прежнему была монопольной, он по-прежнему мог диктовать цены. Конечно, упрощение ремесленной техники, вытекавшее из распадаения промыслов, представляло для него некоторую угрозу. Но эта угроза становилась реальной лишь с того времени, как начался ускоряющийся приток населения в города и увеличилось число кандидатов в ремесленники.

С XI до половины XIV века население важнейших стран Запада возрастало очень медленно, иногда вследствие опустошительных эпидемий, даже падало. Это обстоятельство, несмотря на переход к денежным повинностям, способствовало сохранению мягких отношений в деревне. Эмиграция в города оставалась умеренной, переселялись в них преимущественно окрестные жители, уже подвергшиеся влиянию городских отношений, а потому не понижавшие обычного уровня жизни ремесленников.

Со второй половины XIV века положение изменилось. Во-первых, начинается сравнительно быстрый прирост населения. Во-вторых, переход феодальной эксплуатации в крепостническую, намечающийся около этого времени в деревне, оказывает отраженное действие и на город. Крестьянин ищет в городе спасения от возрастающих тягостей. Но приносит он в город уже не тот сравнительно высокий уровень жизни и не ту высокую способность к сопротивлению, как крестьянин феодальной эпохи: он является как крепостной, который долгое время подвергался режиму принудительного труда, пока суровость отношений не превысила всякую меру выносливости и терпения. Раньше он приносил с собой и в себе отношения свободной феодальной общины, — теперь приносит отношения крепостного деревенского мира. Раньше пришельцы являлись только из ближайшей округи, — теперь уход в города сменяется бегством из отдаленнейших областей.

Ускорение темпа таких изменений хорошо иллюстрируется следующей таблицей. Из каждой сотни новых жителей Франкфурта на Майне пришло из мест, находящихся от него на расстоянии:

Годы:	До 2 миль ¹⁾ .	2—10 миль.	10—20 миль.	Более 20 миль.
1311—1350	54,8	35,5	6,5	3,2
1351—1400	39,4	42,9	11,1	6,6
1401—1450	22,9	54,4	12,6	10,1
1451—1500	23,9	51,2	11,3	14,3

¹⁾ Немецкая миля несколько менее $7\frac{1}{2}$ километров.

Из каждой сотни подмастерьев по металлу в XV—XVI веке пришло во Франкфурт с расстояния: до 2 миль—2,7, до 10 миль—45,0, более 10 миль—52,3, т.е. более половины подмастерьев — уроженцы местностей, отстоящих далее 70 километров.

Подгачиваемое изнутри, подвергаясь нападениям извне, ремесло прибегает к охранительным мерам. В деятельности цехов запретительная сторона получает решительный перевес над положительной.

Техническая неподвижность ремесла в период его расцвета была фактом, вытекавшим из всех его отношений. Чем более разлагаются промыслы, тем проще и механичнее становятся производственные операции, и чем механичнее делаются они, тем неизбежнее становится появление изобретений, которые переносят выполнение этих операций с человека на механизм, на машину. По мере приближения нового времени все чаще становятся известия об изобретениях, которые представляют крупный шаг вперед от рутинной ремесленной техники. Цехи искусственными мерами стараются остановить техническое развитие. Судьба изобретений, сберегающих труд человека, неизменна все время, пока ремесленное сословие представляет политически влиятельную социальную силу. Городские советы вынуждаются уступить давлению цехов, иногда принимающему форму городских революций,—и приказывают разбить и сжечь усовершенствованные станки, а изобретателей подвергают изгнанию, если только их не постигает еще горшая участь: пожизненное заточение, смерть от руки взбунтовавшихся ремесленников или тайных убийц. Цехи становятся и остаются до новейшего времени организациями борьбы против всего, что ведет к повышению производительности труда: ремесленник на каждом шагу убеждается, что необходимой предпосылкой монополии, главной основы ремесленного благополучия, является *застойная техника*.

Чем более дробятся раньше целостные промыслы, тем неизбежнее становится вторжение ремесленников из одного промысла в сферу другого, и тем быстрее вырастает вражда к такого рода вторжениям. С конца средних веков начинается та непримиримая борьба между родственными цехами, те почти анекдотического свойства процессы из-за разграничения переплетающихся сфер, которые захватывают и значительную часть нового времени. Все резче вырисовывается *цеховая замкнутость и цеховая ограниченность ремесла*.

Старинные запретительные меры, направленные против конкуренции деревенского ремесла, развиваются в сложную систему рогаток, ограничивающих доступ новых пришельцев и затрудняющих сбыт привозных товаров на городском рынке. Быстро увеличивается ряд профессий, занятие которыми признается «бесчестящим», лишает права приобрести звание гражданина и сделаться членом того или иного цеха. Такое ли-

шение прав распространяется не только на членов «бесчестящих» профессий и происхождения, но и на их сыновей, иногда даже на внуков. Оно вообще принимает настолько искусственный и произвольный характер, что современным апологетам цеховой средневековщины, несмотря на все их старания, никак не удается раскрыть хотя бы проблеск общественной рациональности в большинстве таких запретительных мер.

Привозные товары подвергаются самому придирчивому осмотру. Время, в течение которого разрешается торговать ими, ограничивается до крайних пределов. Принудительно устанавливаются цены, *ниже которых не должны продаваться* товары. Таксы *минимальных цен* все растут и расширяются, для проведения их в жизнь создаются все более строгие и выработанные регламенты¹⁾. При закупке привозного сырья ремесленник создает для себя привилегированное положение. Оно поступает в свободную продажу лишь после того, как все ремесленники пополнят свои запасы, и продается по ценам, которые назначены цехами (или находящимися под их влиянием городскими советами). Широкая конкуренция становится фактом, — и было бы трудно дать исчерпывающее описание тех мер, посредством которых ремесленники стараются восстановить такое важное условие существования ремесла, как *отсутствие конкуренции*.

Пока все технические, экономические и социальные отношения средневекового общества служили прочной опорой для ремесленного строя, из этих отношений совершенно естественно и непринужденно вытекало известное равенство всех ремесленников, как товаропроизводителей. Выделение более зажиточных ремесленников сопровождалось расширением мастерских за рамки семейного производства. Улучшение техники позволило привлекать к производству лиц, не прошедших продолжительной выучки. Приток деревенского населения расширил тот контингент, из которого мастера получали помощников. Отдельные мастера начали расширять свое производство за счет остальной кассы. Этот процесс нашел выражение в числовом соотношении мастеров и помощников.

¹⁾ Консервативные историки и экономисты, до сих пор возвеличивающие „социальный дух“, проникавший средневековые учреждения, уверяют, будто вся цеховая регламентация и, в частности, таксы диктовались соображениями „общего блага“ и, в первую очередь, интересами потребителей. Они игнорируют тот факт, что таксами определялись минимальные, а не максимальные цены, чего требовали бы интересы потребителей. В цехах пекарей и мясников типичное для ремесла монопольное образование цен раньше всего развернуло свои следствия, и эти следствия — цены, которые при всякой возможности искусственными мерами взвинчивались до уровня голодных цен, — приходилось нести городскому населению. Только этим и отличаются они от других цехов. Консервативные историки либо умалчивают об этих цехах, либо представляют дело таким образом, будто они не характерны для собственно ремесла и вообще не имеют к нему никакого касательства.

В XIII—XIV веках на двух мастеров приходится в среднем один подмастерье. С приближением нового времени это отношение повышается до 1, 2, 3, даже до 5 на одного мастера. И, чем дальше, тем все более неравномерным становится распределение подмастерьев между мастерами. У одних производство по своим размерам остается семейным, у других — постепенно вырастает в капиталистические предприятия. Так, в 1514 году в Вормсе за участие в бунте был казнен один цеховой скорняк-мастер, у которого в то время работало 18 подмастерьев, и товаров на складе было приблизительно на 100.000 марок. Разумеется, такой товаропроизводитель мог захватывать место на рынке, лишь вытесняя мелких товаропроизводителей.

Чем более возрастало производственное неравенство ремесленников, тем сильнее развивалось в цехах стремление декретировать равенство: различными обязательными постановлениями восстановить исчезающее *уравнительное распределение* области ремесла между наличными мастерами. Мелочная регламентация техники, осмотр товаров, выносимых на рынок, установление минимальных цен, — все это превращается в средство для того, чтобы устранить конкуренцию, побивающую, при одинаковой добротности, сравнительной дешевизной товаров. Нормировка числа помощников, которых позволяется держать мастеру, и количества кусков сукна, полотна и т. д., которое разрешается ему выпускать из мастерской в течение года, — все эти меры прямо должны прекратить одних ремесленных производителей в ущерб другим. Но уже одна необходимость постоянно повторять и обострять эти предписания показывает, насколько тщетны были все усилия задержать возрастающую дифференциацию искусственными барьерами. Зажиточный мастер все больше отделялся от массы, и, опираясь на своих номинальных товарищей по цеху, поднимаясь на их плечах в городские советы и сливаясь там с формирующейся торговой буржуазией, политически закреплял свое выделение.

Но с наибольшей тяжестью новое законодательство цехов, насквозь проникнутое страхом перед надвигающейся конкуренцией, обрушивалось на ремесленных помощников.

В первоначальный период городского ремесла срок, в течение которого кандидат в ремесленники оставался помощником, вообще не превышал времени, действительно необходимого для выучки. Когда монопольное положение ремесла пошатнулось, цехи устанавливали минимальную продолжительность ученичества в 3—4 года. Чем усиленнее приток нового населения к городам, тем более удлиняются обязательные сроки ученичества: в Италии и Фландрии до 5—6 лет, во Франции до 6—8 (в некоторых парижских цехах до 10—12 лет), в Англии уже с начала XIV века — до 7 лет.

В Германии срок ученичества остался довольно коротким: 3—4 года. Но зато в большинстве промыслов создается

(начиная с XIV века) новая переходная ступень к положению мастера: звание подмастерья. Таким образом и здесь, хотя ремесленная техника упрощается, срок выучки увеличивается, в общем, до таких же размеров, как в других странах.

Простой отзыв мастера об успехах помощника, достаточный в первые века городского развития для принятия в цех, с XIV века удовлетворяет цеховых ремесленников лишь постольку, поскольку он гарантирует благонадежность кандидата в мастера (происхождение от «честных» родителей, отсутствие связей с «порочащими» профессиями и т. д.). Для испытания технической подготовки один цех за другим вводят особый экзамен: кандидат в мастера по указанию старшин цеха должен самостоятельно выполнить пробную работу, — произвести *Meisterstück*, *Mastestück*, *essay*, *chef d'oeuvre*. Чем дальше, тем более повышаются требования: становится дороже материал, который приходится приобретать подмастерью, продолжительнее время, в течение которого он должен существовать без всякого заработка, сложнее — иногда невыполнимое — технические задачи, которые ставят ему, бесполезнее работа, которую задают ему, — ее обычно воспрещают продавать или уничтожать по изготовлении. Готовясь к производству рядовых продуктов, он для приобретения права на это должен с жалкими техническими средствами создавать художественные произведения.

По мере того, как подтачивались устои средневекового ремесла, все труднее становился выбор города, где новый мастер мог бы заработать для себя необходимое пропитание. Поэтому подмастерье, готовясь открыть собственную мастерскую, начинает странствовать из города в город и, только познакомившись со всеми условиями, избирает место прочной оседлости. Цехи (в Германии и Франции) превращают эти вольные странствования в принудительные, устанавливают и удлиняют минимальные сроки этих обязательных путешествий. Разумеется, в системе цеховой идеологии и такое принуждение выступает, как продиктованное интересами потребителей: цехи стремились будто бы гарантировать наивысшее техническое совершенство для своих промыслов.

Во многих случаях ко всему этому присоединялся еще так называемый выжидательный период, период *искуса*, *Muthzwang*: отбыв все установленные сроки, кандидат в мастера должен был еще несколько лет оставаться простым помощником, чтобы доказать серьезность своих стремлений к избранной профессии и обнаружить силу своей нравственной выдержки.

Во многих ремеслах, благодаря целому ряду условий: сложность оборудования, необходимость значительных запасов сырого материала и их дороговизна, продолжительность периода производства, продолжительность времени от производства до продажи продукта и т. д., требовалось значи-

тельное состояние для устройства самостоятельной мастерской. Подмастерьям, прошедшим все испытания, и после того долгое время приходилось оставаться простыми помощниками, пока из трудовых сбережений не получалась необходимая минимальная сумма. Цехи форсируют это развитие ремесла от действительно ремесленных, мелкобуржуазных форм в направлении к капиталистическим формам. Создается целая система поборов за вступление в цех. Растут вступные взносы в цеховые кассы, регламентируются до мелочей и разгосащаются в настоящие пиршества те обязательные угощения, которые вновь принятый мастер должен устроить принявшим его товарищам по цеху. Неизменно растет и тот имущественный ценз, при наличности которого новый прищелц только и может приобрести звание гражданина, без чего ему были бы воспрещены самостоятельные занятия ремеслом.

Но полного торжества этот ограничительный дух достигал в тех случаях, когда цехам удавалось нормировать число мастеров, установить неизменный *комплект*. Так, число мясников в Штеттине ограничивается 14, в Бескове 22; число шляпочников в Руане установлено в 50, игольщиков в Любеке—12, жестяников в Нюрнберге—12. Кандидаты должны дожидаться, пока не освободится место за смертью мастера или по иной причине. Чем дальше, тем более увеличивается число цехов с зафиксированными комплектами, — и тем чаще возобновляются попытки сокращать установленные комплекты. Чем дальше уходит то время, когда число ремесленников фактически оставалось неизменным, тем отчаяннее становятся попытки чисто внешними мерами остановить ускоряющееся переполнение ремесла. По мере того, как промысел уходит от мелких самостоятельных ремесленников, ремесло об-
является собственностью наличных мастеров.

Отсюда лишь один шаг до превращения ремесленного промысла в *наследственную* собственность мастеров. Для сыновей последних срок ученичества сокращается или совсем отпадает. Чужим подмастерьям задается пробная работа, требующая нескольких недель труда, сыновьям мастеров—работа просто для виду; потом всякие испытания для них отменяются. От них при поступлении в цех требуются уменьшенные взносы; наконец, они совсем освобождаются от платежей. В связи с комплектом, звание мастера становится доступным только для сыновей мастеров. Без всяких испытаний и с минимальными взносами принимаются в мастера лица, женившиеся на дочери (или вдове) мастера. Словом, развивается способ замещения освобождающихся «вакансий», во многих отношениях напоминающий известные явления среди русского духовенства.

Превращение звания мастера в наследственную привилегию очень ярко характеризует те изменения, которые совершаются в ремесле. От мастера в известных случаях не

требуется никакой подготовки. Значит, мастер превращается просто в собственника мастерской. Доходы притекают к нему, по крайней мере, отчасти, просто в силу его права собственности, а не потому, что, как было раньше, он сам принимает участие в производственном процессе. Это обстоятельство вскрывает ту трагедию, которую пережило ремесло, — как переживает, борясь за свое существование, всякая мелко-буржуазная форма: создавая сложный аппарат для того, чтобы сохранить ускользающую уравнилительность распределения, рядовые ремесленники только ускоряют процесс образования зачаточных капиталистических предпринимателей. Если взглянуть в перечисленные выше ограничительные меры, то будет ясно, что это — их общая и основная тенденция.

Все эти меры свидетельствуют об одном: на городское ремесло надвигалось *принуждение к прибавочному труду*.

С одной стороны, к прибавочному труду принуждает его торговый капитал, который перехватывает отношения ремесленника к рынку, сталкивает продукты, произведенные при разнообразнейших естественных и социально-экономических условиях, возбуждает конкуренцию между производителями и все более подчиняет их своей власти. Цены диктует он, а не ремесленник. Для получения прежней выручки мелкому ремесленнику приходилось удлинять свое рабочее время и засаживать за работу жену и детей. *Чрезмерный труд и недостаточное потребление* надвигались на ремесло, — на мелкого мастера, на его семью и посторонних помощников.

С другой стороны, к прибавочному труду принуждают привилегированные мастера, постепенно развивающиеся в капиталистических предпринимателей. Их деятельность все более сосредоточивалась на рыночных отношениях, они все более устранились от непосредственного участия в производстве, производство все более утрачивало семейный характер и подмастерья из членов семьи и помощников мастера все более превращались в его наемных рабочих. Удлинение их рабочего дня увеличивает прибыль, но не увеличивает работы хозяина. Ухудшение стола для них ускоряет накопление, но не вредит здоровью хозяина. Продовольствие от мастера развивается в особый вид *truck-system*, — системы расплаты товарами: мастер, не ограничиваясь тем, что при покупке рабочей силы он до пределов возможного понижает ее цену, старается еще извлечь барыш из рабочих, как из покупателей и потребителей предметов питания и одежды.

Ремесленное ученичество уже с конца XV века стало превращаться в ту отвратительную пародию на действительное техническое обучение, какой оно остается в мелком производстве до настоящего времени. Плата в первые годы берется с *родителей ученика*: за жалкое, голодное продовольствие, за обучение, которое в действительности отсутствует.

Мальчик превращается в рассыльного, в няньку, в кухарку. Не остается необходимого времени для отдыха, даже для сна. Принимая на себя отеческое попечение об ученике, мастер вооружается и всей полнотой отеческой власти. Применяются жестокие телесные наказания, переходящие в форменные истязания. Таковы отношения ученичества, напр., по воспоминаниям Иоганна Буцбаха (на границе XV и XVI веков).

Такие перемены складываются в городе к концу средних веков. Средневековый город возник в порых феодального общества. В процессе своего роста он расширял эти поры. Все более высвобождаясь из-под власти феодальных отношений, он постепенно превратился в особый экономический и политический мир. В то время, как в деревне принуждение к прибавочному труду все возрастало, в городе оно сокращалось. В то время, как административная и судебная зависимость деревенского мира от сеньера увеличивалась, город развивался в самоуправляющуюся, а в некоторых случаях — и в суверенную коммуны.

Но в ходе развития изменялся весь строй средневекового общества, взятого в целом. Глубже проникало разделение труда между городом и деревней. Вширь и вглубь рос обмен. Теснее объединялись, экономически и политически, феодально-автономные области. В деревне феодальная эксплуатация переходила в крепостническую. Все эти изменения, совершившиеся при огромном участии городов, благодаря влиянию их торговли и промышленности на весь экономический уклад, отразились и на строе городских отношений. И к городским промышленным производителям подбирается принуждение к прибавочному труду. Разница только в том, что в деревне оно получает характер прямого личного принуждения, осуществляемого помещиком, устраняющимся от всяких общественно-необходимых функций. Напротив, в городе оно появляется, как безличная сила, как анонимная власть зарождающегося капитала, как неумолимый гнет объективных общественных отношений. Никто не посягает на личность промышленного производителя. Ростовщик выручает его из нужды. Купец восполняет своим знанием рыночных отношений ремесленное незнание нового рынка. И даже мастер, превращающийся в предпринимателя, выступает для ремесленного сознания, медленно овладевающего новыми отношениями, не как эксплуататор, а как благодетель, дающий работу и заработок производителю, лишенному средств производства (хотя бы немецкое название предпринимателя, *Arbeitsgeber* непосредственно означает «работодатель»).

По всем этим причинам деревенская общественная программа, быстро складывающаяся в ходе крестьянских движений, носит такой же ясный и конкретный характер, как сама крепостническая эксплуатация; уничтожение власти помещиков — центральный пункт этой программы. Напротив,

ни в требованиях цеховых ремесленников, ни в позднейших требованиях подмастерьев мы долго не находим пунктов, которые так же уверенно и непосредственно были бы направлены против развивающихся специфически-городских методов эксплуатации:

* * *

Все меры, направленные к тому, чтобы затруднить для подмастерья доступ к званию мастера, служат симптомом одного основного явления: ремесленное сословие дифференцируется и постепенно выделяет кверху класс капиталистических предпринимателей, а книзу—класс наемных рабочих.

Пока положение помощника было кратковременной подготовительной ступенью к положению мастера, одна и та же организация охватывала и подмастерьев, и мастеров. Первые были неполноправные, вторые — полноправные члены цеха, и это различие было естественным выводом из технической подготовки и жизненного опыта тех и других.

Но с того времени, как у мастеров проявляется тенденция к некоторому обособлению, и растет численность подмастерьев, цехи превращались в организации исключительно мастеров; тогда складываются особые организации подмастерьев с особыми кассами и особыми помещениями для собраний. Первоначально обособление этих новых союзов, принимающих, как и цехи, идеологическую форму религиозных братств, очень слабое. Председательствует в них мастер по назначению цеха, цех вмешивается в кассовые дела, он же утверждает статуты и все решения братства. Братство подмастерьев — не столько обособленная организация, сколько придаток к цеху, подготовительная школа к нему.

Тем же отсутствием самостоятельных социально-экономических функций характеризуется и вся деятельность братств. Наибольшее развитие получает в ней та сторона, которую можно назвать отстаиванием *сословной чести своего цеха*. Борьба направлена в первую очередь против подмастерьев других цехов. Одним из наиболее частых поводов для конфликтов, иногда принимающих крайне бурные формы, является спор из-за места, которое то или иное братство должно занимать в церковных процессиях. Одна из важнейших статей расходов — на приобретение свечей и знамен, которые по весу и роскоши должны затмить свечи и знамена других братств, участвующих в церковных процессиях. Такими формами борьбы внутренняя солидарность каждого цеха обыкновенно несколько не нарушается. В борьбе против городского патрициата, братства подмастерьев выступают в полном согласии с цехами и своей боевой силой содействуют проведению привилегированных мастеров в городские советы. Братства на этой ступени развития не могут выдвинуть никаких требований, которые клонились бы к тому, чтобы в интересах подмастерьев ограничить экономи-

ческую и политическую власть мастеров. Пока у подмастерья оставалась надежда сделаться мастером, он не мог не сознавать, что через какую-нибудь пару годов эти ограничения свяжут его самого.

По мере того, как совершалось капиталистическое перерождение одного промысла за другим, братства подмастерьев из вспомогательных организаций временно-неполноправных членов ремесленного сословия превращались в классовые рабочие организации, а новые товарищества подмастерьев с самого начала возникали как боевые организации. После упорной борьбы устраняется всякое вмешательство цехов и мастеров в общие дела подмастерьев. Харчевни, открытые только для подмастерьев, становятся центрами новых организаций. Обрядности, сохранившиеся от эпохи религиозных братств, превращаются в особое средство для того, чтобы лучше законспирировать планы и приготовления товариществ. Взаимопомощь, которую почти исчерпывалась экономическая деятельность старых братств, по своему сравнительному значению отступает на второй план и становится вспомогательным средством, необходимым придатком к боевым задачам.

Чем более мастера обособляются от подмастерьев в отдельный класс, тем тяжелее становится для помощника его положение, при котором он остается «службой», подчиненным всесторонней опеке мастера. Товарищества подмастерьев начинают борьбу за превращение этих отношений в договорные отношения и за превращение договора — в коллективный договор, при котором каждый подмастерье находит опору в товариществе¹⁾.

Чем яснее становится, что положение подмастерья для большинства — пожизненное и даже наследственное положение, тем решительнее вмешиваются товарищества в определение всех условий труда. Они принуждают мастеров и целые цехи договариваться с ними о продолжительности рабочего дня, высоте заработной платы, продовольствии, днях отдыха и т. д. Они требуют от мастеров, чтобы те не нанимали подмастерьев иначе, как при посредстве товариществ, и чтобы харчевни последних были таким образом признаны в качестве единственных бюро найма.

На помощь цехам приходят городские советы, иногда суверены и сеймы. Издаются регламенты относительно продолжительности рабочего дня. Вырабатываются таксы максимальной заработной платы. Суровые наказания угрожают тем, кто будет требовать или платить более высокую плату. Употребляются все меры для того, чтобы задавить товарищества подмастерьев. Воспрещается предъявление коллективных требований, ношение оружия подмастерьями и т. д.

¹⁾ Тогда же — в Германии с XIV века — под давлением подмастерьев старинные названия этой категории ремесленников, означавшие «слуга», оттесняются названием „Geselle“, товарищ.

Но подмастерья становятся слишком многочисленным и организованным классом. Они превращаются в главную военную силу городов ¹⁾. Принудительные странствования создают им крупное преимущество перед локально ограниченными цехами и городскими советами. Их организации превращаются в провинциальные и в национальные организации. Харчевни отдельных городов становятся своеобразными бюро местных организаций, местные организации — как бы филиальными отделениями обширных областных и национальных организаций. Через особых гонцов каждое товарищество быстро извещает товарищества соседних городов о всех важных событиях и конфликтах. Каждое товарищество дает странствующим подмастерьям своего цеха кров, пропитание и средства на дорогу до следующего города.

В ходе развития товариществ постепенно вырабатываются такие основные средства борьбы, как бойкот и забастовка. Бойкот направляется и против подмастерьев, изменивших товарищам, и против отдельных мастеров, и против всех мастеров известного цеха в том или ином городе, иногда в целой провинции. В случаях этого рода бойкот фактически превращается в «блокаду». Стачка неизбежно связывается с объявлением под бойкотом или отдельного мастера, или всех мастеров определенной профессии в целом городе. В некоторых случаях такие бойкоты-стачки продолжались по одному, по три года, — даже до 10 лет (стачка пекарей-подмастерьев в Кольмаре, начавшаяся в 1495 году). Подобная продолжительность заставляет предполагать, что в некоторых случаях мастерам удавалось найти заместителей из неорганизованных ремесленников.

В Германии появление первых товариществ новейшего, боевого типа относится к концу XIV и началу XV века. Распространение их из одного промысла в другой идет в той последовательности, как в ремесле зарождаются капиталистические формы промышленности. Раньше всего товарищества пролетарского типа появились у шерсто-ткачей. Книгопечатание почти с самого начала организуется капиталистически, — и уже в 1471 году в Базеле подмастерья-книгопечатники поддерживают свои требования забастовкой. У плотников-подмастерьев обособленные боевые организации складываются лишь в XV веке, а во многих промыслах подмастерья так и не создали собственных организаций.

Изучение организаций подмастерьев в Германии началось только в 70—80-х годах прошлого века. Они долгое время считались исключительной особенностью Германии. Правда, во Франции давно были известны три национальных организации строительных рабочих, сохранившиеся до XIX века. Но только в 80-х и 90-х годах исследователям

¹⁾ Характерно, что по некоторым известиям, ландскнехты в огромной мере рекрутировались из подмастерьев.

удалось установить, что в конце средних веков такие же товарищества подмастерьев существовали и в других промыслах. Под влиянием немецких исследований о товариществах подмастерьев в Германии, начались изыскания соответствующих союзов и в *Англии*. Оказалось, что и здесь организации подмастерьев прошли в общем через такие же ступени развития, как в Германии.

По мере того, как ремесло в процессе своего развития приближалось к промышленно-капиталистическим формам, — в «предпролетариате», о котором упоминалось в предыдущем отделе во всех странах все более вырисовывались черты промышленно-пролетарского класса, и формы его организации, задачи и методы его борьбы все более становились предвестниками новейших организаций и форм пролетарской борьбы. Но вместе с тем жестокие преследования, с которыми государство обрушивается на боевые организации подмастерьев, сплетаются в непрерывный ряд с гонениями, направленными против союзов, создаваемых зарождающимся промышленным пролетариатом.
